

*И. О. Рыжов**

ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ ИДЕЙ ПОЧВЕННОЧЕСТВА В СОВЕТСКОЙ ДЕРЕВЕНСКОЙ ПРОЗЕ**

В статье исследована преемственность идей почвенничества в советской деревенской прозе 1950–1980-х гг. Дано определение термина «почвенничество», раскрыты его философские основы и ключевые ценности. Проведен анализ творчества ведущих авторов данного направления: Федора Абрамова, Василия Шукшина, Александра Солженицына, Василия Белова, Валентина Распутина, Виктора Астафьева и др. Выявлены центральные мотивы, сближающие советских писателей с традициями дореволюционного почвенничества: сакрализация родной земли, образ народного праведника, конфликт поколений, критика урбанизации и технократического прогресса, сохранение исторической памяти и традиционного уклада. Подчеркнуто, что деревенская проза выступила продолжателем почвеннических идей в изменившихся социальных условиях, несмотря на цензурные ограничения советского времени. Выполнено сопоставление полученных результатов с позицией современных исследователей литературы, показаны причины совпадений и расхождений в оценках. Сделан вывод о значительной роли деревенской прозы в сохранении русской национально-культурной традиции.

Ключевые слова: почвенничество, деревенская проза, русская литература, традиция, православие, национальный характер, память, народная культура, преемственность.

* Рыжов Илья Олегович — аспирант, rizhov.ryzho2011@yandex.ru, Русская христианская гуманитарная академия им. Ф. М. Достоевского, 191023, Санкт-Петербург, наб. р. Фонтанки, д. 15 лит. А.

Илья О. Ryzhov — graduate student, rizhov.ryzho2011@yandex.ru, The Russian Christian Academy for the Humanities named after Fyodor Dostoevsky, 15, Fontanka Embankment, Saint Petersburg, 191023, Russian Federation.

** Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23–18–00408, <https://rscf.ru/project/23-18-00408/>; Русская христианская гуманитарная академия им. Ф. М. Достоевского.

The study was funded by the Russian Science Foundation grant No. 23–18–00408, <https://rscf.ru/project/23-18-00408/>; The Russian Christian Academy for the Humanities named after Fyodor Dostoevsky, 15, Fontanka Embankment, Saint Petersburg, 191023, Russian Federation.

The article examines the continuity of soil-folk ideas in Soviet village prose of the 1950s-1980s. The term "pochvennichestvo" is defined, its philosophical foundations and key values are revealed. The analysis of the works of leading authors of this trend is conducted: Fyodor Abramov, Vasily Shukshin, Alexander Solzhenitsyn, Vasily Belov, Valentin Rasputin, Viktor Astafyev and others. The central motifs that bring Soviet writers closer to the traditions of pre-revolutionary soil-folk are revealed: sacralization of the native land, the image of the people's righteous man, the conflict of generations, criticism of urbanization and technocratic progress, preservation of historical memory and traditional way of life. It is emphasized that village prose acted as a successor of pochvennichestvo ideas in the changed social conditions, despite the censorship restrictions of the Soviet era. The obtained results are compared with the position of modern literary scholars, the reasons for the coincidences and differences in assessments are shown. A conclusion is made about the significant role of village prose in preserving the Russian national and cultural tradition.

Keywords: pochvennichestvo, village prose, Russian literature, tradition, Orthodoxy, national character, memory, folk culture, continuity.

Понятие «почвенничество» возникло в России в 1860-е гг. как литературно-философское течение, связанное с именами Ф. М. Достоевского, А. А. Григорьева, Н. Н. Страхова и др. Оно провозглашало необходимость опоры на «народную почву» — традиционные основы жизни русского народа, православную веру и крестьянский уклад, призывало объединить образованную интеллигенцию с простым народом. Главная идея почвенников состояла в признании особой миссии русского народа, хранителя христианских ценностей: «идеал народа — Христос. Быть почвенником — любить Россию, сознавать себя русским, следовать вере отцов...» — эти слова Достоевского отражают основу данного мировоззрения (цит. по: [8]).

После революции и особенно в первые десятилетия советской власти подобные взгляды были объявлены «реакционными» и вытеснены из официальной идеологии. Тем не менее во второй половине XX в., в период относительной идеологической оттепели, традиции почвенничества получили новое возрождение именно в русской литературе.

Стоит отметить, что в 1960–1980 е гг. появилось даже явление «вторичного», или «неопочвенничества», когда базовая идеологема «почвы» была переосмыслена в соответствии с изменившимися историческими обстоятельствами [3]. Прежде всего этот идейный поворот отразился в так называемой «деревенской прозе» — произведениях советских писателей, обращенных к жизни русской деревни.

Советская деревенская проза зародилась в конце 1950-х — начале 1960-х гг. как особое направление, противопоставленное канонам соцреализма. Если в ранней советской литературе деревня изображалась в духе оптимистического «переустройства» (коллективизация, индустриализация, прогресс и т. п.), то после смерти Сталина тональность резко изменилась. Новое поколение прозаиков, выходцев из народа, увидело в послевоенной деревне не только «светлое будущее», но и драму, а порой и трагедию сельской жизни. Эта литература во многом шла вразрез с официальной позицией: например, в романе

Федора Абрамова «Братья и сестры» реалистично показан тяжелый повседневный труд крестьян в годы Великой Отечественной войны без привычных идеологических клише о «героической битве за урожай».

Публикация рассказа А. И. Солженицына «Матренин двор» стала знаковым событием: в образе праведной крестьянки Матрены, «без которой не стоит село (ни город, ни вся земля наша)», писатель откровенно провозгласил духовное превосходство народной праведности над бездушными «новыми» порядками. Именно с этого произведения, по мнению критики, начался новый этап — возвращение русской литературы к «забытой идеологии нутряной России» [4, с. 308], то есть к тем самым почвенническим ценностям, укорененным в православной крестьянской традиции.

Актуальность данного исследования обусловлена тем, что творчество советских писателей-«деревенщиков» (В. Овечкина, Ф. Абрамова, В. Солоухина, В. Шукшина, В. Астафьева, В. Белова, В. Распутина и др.) сыграло большую роль в культуре и общественной мысли позднего СССР. Эти произведения не только отражали жизнь села, но и несли мощный заряд традиционных ценностей, во многом сходных с идеями почвенников XIX в. Однако до сих пор продолжают дискуссии: одни исследователи видят в «деревенской прозе» прямое продолжение классической русской традиции, другие подчеркивают ее принципиально новое звучание и даже придают «неопочвенничеству» отрицательные коннотации. В связи с этим цель настоящего исследования — выявить преемственность идей почвенничества в советской деревенской прозе на всех этапах ее развития.

Как отмечалось, уже к концу 1950-х гг. наметился отход от идеализированной советской сельской повседневности к более честному изображению деревенской жизни. Одним из пионеров этой смены стал Федор Абрамов — фронтовик и уроженец северной деревни. В его романе «Братья и сестры» и последующих книгах цикла правдиво показаны страдания и героизм русских крестьян в военное и послевоенное время. Ф. Абрамов не мог открыто говорить о раскулачивании или репрессиях, но через тему военного лихолетья ему удалось передать горькую правду о том, что русская деревня пережила в XX в. серию беспрецедентных трагедий.

Фактически Ф. Абрамов возродил традицию сочувственного внимания к крестьянству, свойственную дореволюционным народным писателям и почвенникам, которые считали народный мир носителем истинной нравственности. Проза Абрамова стала важным этапом: она открыто сочувствовала простым труженикам земли и тем самым противостояла официальной советской идеализации деревенской жизни.

Начало 1960-х ознаменовано выходом в литературу целой плеяды авторов-«деревенщиков». Среди них выделяется Василий Шукшин — писатель родом из Алтайского села, прославившийся своими колоритными рассказами о жизни сибирской глубинки.

В. Шукшин в сборниках «Сельские жители», «Там, вдали», «Характеры» изображает галерею простых деревенских персонажей — порой чудаковатых, наивных, но всегда искренних и душевно богатых. Его герои, так называемые «чудики», зачастую сталкиваются с непониманием городского или бюрократического мира.

тического окружения, однако именно через них автор транслирует простые народные истины и тоску по утраченному духовному укладу. В юмористическом тоне В. Шукшина звучит скрытая тревога: старый мир уходит, и вместе с ним уходят чистота нравов, совесть, верность земле. Эти мотивы созвучны идеям почвенников о ценности «нутряной России» — той самой глубинной народной среде, которая хранит духовные основы нации.

Другой значимый представитель — Владимир Солоухин — начинал как поэт, но стал известен очерками о родной Владимирской деревне («Владимирские проселки»). Солоухин писал о красоте природы, о народных ремеслах, об обрядах — фактически возрождал интерес к истокам народной культуры в духе почвеннического преклонения перед «родной землей». В его очерках чувствуется беспокойство: стремительные изменения грозят разрушить вековой крестьянский уклад. Хотя Солоухин действовал в рамках советской печати и избегал прямой критики власти, его творения подготовили почву для более смелых голосов деревенской прозы.

Поворотным моментом стал рассказ Александра Солженицына «Матренин двор». Впервые после долгого перерыва на страницах советского журнала появилась крестьянская героиня — престарелая женщина Матрена, живущая праведно и бескорыстно, хоть и бедно. В финале рассказа автор, от лица повествователя-интеллигента, произносит знаменитые слова о Матрене: «она — тот самый праведник, без которого... не стоит ни село, ни город, ни вся земля наша». Здесь ясно просматривается связь с евангельской притчей о праведниках, сохраняющих мир, и с народным поверьем о «святых старцах», на которых держится земля русская.

Именно А. Солженицын придал классической почвеннической идее новое дыхание: показал, что даже после десятилетий атеизма в глухой сибирской деревне живет праведница, воплощающая лучшие черты христианского народного характера — смирение, сострадание, духовную стойкость. Недаром литературоведы относят Солженицына к тем авторам второй половины XX в., которые «сохранили верность крестьянству и традиционным ценностям народной жизни», — именно их стали называть новыми почвенниками [9].

Во второй половине 1960–1970-е гг. деревенская проза вышла на авансцену литературного процесса. Молодые писатели из провинции — В. Астафьев, В. Белов, В. Распутин, Е. Носов, Ф. Абрамов и др. — обрели широкую читательскую аудиторию. Эти авторы, каждый по отдельности, развивали общие темы: утраченное единство человека с землей, кризис духовности в селе, протест против бездушного технократического прогресса. Например, В. Белов в повести «Привычное дело» изобразил будни северорусской деревни, где тяжелый крестьянский ручной труд становится символом подлинной жизни, органично вписанной в мировоззрение сельского жителя. Город в повести воспринимается чем-то чужим, неустроенным, искусственным. При этом город становится символом «легкой жизни» и достойного заработка, но не предлагает ничего духовного и гармоничного, отрывает от устоявшихся, укорененных связей с природой и отчим домом [5].

В. Белова волновала утрата лада — народной гармонии в отношениях и быту. Не случайно его главной публицистической работой стала книга «Лад.

Очерки о народной эстетике», где он прямо утверждает ценность традиционного уклада, общинной взаимопомощи, крестьянской этики. Это, по своему содержанию, манифест почвеннического мировоззрения, адаптированного к советской эпохе. Белов как будто говорит читателю: без корней, без памяти о заповедях предков народ теряет себя.

Расцвет направления связан прежде всего с именами Валентина Распутина и Виктора Астафьева. Оба родились в Сибири, оба начали печататься в 1960-е, а в 1970-е годы создали свои главные произведения, ставшие вершиной деревенской прозы. Валентин Распутин в повестях «Живи и помни» и «Прощание с Матёрой» показал, как столкновение векового деревенского уклада с наступлением цивилизации оборачивается моральной катастрофой. Повесть «Прощание с Матёрой» — это художественный реквием по затонувшей деревне Матёра. Старики во главе с Дарьей Пинигиной до последнего пытаются отстоять остров (место коллективной памяти) — кладбище предков, свои родные избы — от прихода «большой земли», но в конечном счете Матёра уходит под воду ради строительства ГЭС.

Символично, что на страницах повести нигде прямо не упомянуты ни партия, ни лозунги — прогресс выступает как безликая разрушительная сила, сметающая «священное и важное, без чего мир... не может стоять». В финале Дарья совершает обряд прощания с Матёрой, словно с живым существом, и вместе с односельчанами покидает остров, ощущая конец целой эпохи. Это произведение стало квинтэссенцией идей деревенской прозы: плач по традиционному крестьянскому укладу, гибнущему под натиском цивилизации. Через судьбу Матёры В. Распутин доносит мысль, созвучную почвенникам XIX в.: нельзя безнаказанно отрываться от почвы, от своих корней — иначе народ ждет духовная опустошенность. Примечательно, что современники восприняли «Прощание с Матёрой» не только как литературное явление, но и как общественный призыв. Исследователи отмечают, что эта повесть предвосхитила экологическое движение перестроечной поры, и во многом благодаря ей в обществе укрепилось понимание ценности сельского наследия и природы [13]. Таким образом, художественный голос В. Распутина повлиял и на социальные процессы, подтвердив глубокую культурную значимость почвеннических идей.

Виктор Астафьев шел к схожим выводам своим путем. В его ранних рассказах, вошедших в цикл «Последний поклон», автор с теплотой вспоминает дореволюционное деревенское детство — уклад, в котором люди жили в бедности, но в согласии с природой и с совестью. Однако уже в 1970-е в своих злободневных повестях В. Астафьев показывает надлом этой связи. Его знаменитый сборник «Царь-рыба» состоит из историй, где природа Сибири выступает как носитель духовного начала, мстящего человеку за жадность и бездуховность. В рассказе «Царь-рыба» старый браконьер погибает, пытаясь вытащить гигантскую осетровую рыбу (символ земной силы), — по своему ценностному содержанию это притча о том, как утрата гармонии между человеком и природой ведет к трагедии души. В другом рассказе цикла молодежь совершает надругательство над могилой солдата — и вскоре вся деревня оказывается втянута в цепь бессмысленного насилия. Эти образы несут ясно

выраженное нравственное предупреждение, перекликающееся с почвеннической мыслью: потеряв уважение к земле-матери и памяти предков, общество теряет нравственные ориентиры и обречено на вырождение. В. Астафьев, как и В. Распутин, фактически говорил о «распаде души» современного села параллельно с распадом традиционного уклада. При этом прозу В. Астафьева отличает особый лиризм, символичность образов — недаром критики заговорили о его «символическом реализме». В его текстах животные, реки, леса наделены фольклорными чертами, а повествование включает притчи и сны. Все это позволило писателю тонко, на художественном уровне, выразить ту же идею, что почвенники ранее излагали в публицистике: русская земля — не просто география, а священная почва, на которой держится народная жизнь. Именно поэтому современные исследователи пишут, что почвенничество является идейной основой деревенской прозы — поскольку она также обращена к глубинным духовным основам народной жизни [14].

Помимо рассмотренных авторов и их произведений, в 1970-е продолжали издаваться и другие яркие сочинения деревенской прозы. Евгений Носов в рассказе «Красное вино победы» и повести «Усвятские шлемоносцы» показал опустение деревень, размышляя о том, что победа в войне досталась ценой разорения и гибели деревенского мира. Борис Можаев в повести «Мужики и бабы» обратился к теме коллективизации, открыто и радикально изобразив трагедию крестьян 1930-х гг., — правда, при жизни автора эта книга из-за цензуры полностью не вышла. Но в самиздате и позже она укрепила понимание масштабов исторического разрыва между властью и народом. Виктор Лихоносов в своей лирической повести «Люблю тебя, жизнь» создал образ старого казачьего хутора как утраченного рая — явный элемент идеализации прошлого, типичный для писателей-деревенщиков. Михаила Алексева можно упомянуть с его романом «Драчуны», где конфликт поколений отцов и детей в селе снова упирается в проблему утраты традиций и семейной памяти.

Так, к началу 1980-х деревенская проза охватила широкое тематическое поле: от воспоминаний о довоенной патриархальной идиллии до гневных обличений современных пороков (пьянства, бездушия, забвения предков). Общим основанием большинства произведений было противопоставление старого, народного мира — новому, советскому. Старый мир, каким он предстает у деревенщиков, — это не идеализированная утопия, но мир, где существовал порядок, «лад», где люди жили по совести, в труде и вере, органически вписанных в жизнь деревенского человека (пусть вера эта не названа прямо религиозной, но фактически символизируется через образы христианских (православных) праведников, чистой природы, родовых могил и т. д.). Новый же мир предстает как время утраты корней: молодежь уходит в города, связь поколений рвется, а природа и культура терпят надругательство и падение. Подобные идеи, безусловно, восходят к почвенническому мировосприятию: еще в журнале «Время» Ф. М. Достоевский писал о необходимости соединения поколений и непрерывности национальной традиции. Советские писатели 1970-х, работая в иных условиях, художественно показали, что случается, если эту непрерывность разорвать.

Проведенный обзор позволяет выделить ряд ключевых мотивов и образов деревенской прозы, непосредственно связанных с идеями почвенничества:

— Культ родной земли, природы как живого существа. Практически во всех произведениях жанра деревня укоренена в определенном ландшафте — это и сибирская тайга у В. Распутина и В. Астафьева, северные холмы у Ф. Абрамова и В. Белова или степь у В. Лихоносова. Земля-кормилица часто одушевляется, ей приписываются почти священные свойства. Так, остров Матёра у Распутина имеет своего духа — Хозяина, выступающего хранителем места и, при необходимости, погибающего вместе с этим местом. У Астафьева в «Царь-рыбе» могучая сибирская река и царь-рыба охраняют природу от греховного посягательства человека. Эта «сакрализация природного начала», по мнению ряда исследователей, прямо связывает деревенщиков с почвеннической традицией, видевшей в земле источник духовности народа [11, с. 154].

— Образ праведника. Многие произведения содержат персонажей-стариков, которые воплощают народную мудрость и святость. Таковы упомянутые ранее Матрена Солженицына и Дарья из «Матёры» Распутина. Праведники у деревенщиков обычно живут бедно, страдают, но несут в себе свет веры, часто не явно, а через дела и любовь к ближним. Такие герои восходят к древнему фольклорному типу «юродивого» или «божьего человека» и вполне соотносятся с почвенническим тезисом о том, что именно простой народ хранит истинную христианскую нравственность. В советской литературе прямое упоминание религиозности было затруднено цензурой, поэтому авторы использовали намеки: герои чтут могилы предков (Матрена, Дарья), соблюдают народные обычаи, говорят поговорками из Библии, хотя в тексте не говорится открыто о церкви. Тем не менее можно говорить, что образ «праведника» в деревенской прозе — прямое наследие православно-крестьянских идеалов почвенничества [10].

— Конфликт поколений и разрыв традиции. Во многих сюжетах показано непонимание между старшим поколением (носителями традиционного уклада) и молодежью, воспитанной уже в советское время. Например, в повести Василия Белова «Все впереди» старый сельский мастер терпит унижения от молодых руководителей колхоза; у В. Распутина в «Последнем сроке» дети, приехавшие к умирающей матери, больше заняты своими городскими делами, чем ее судьбой. Этот конфликт поколений символизирует разрыв «цепи времен», который тревожил и почвенников в XIX в. Ф. М. Достоевский и А. А. Григорьев призывали интеллигенцию «слиться с народом», вернуться к отцовской вере. В деревенской прозе спустя столетие мы видим обратную ситуацию: дети уезжают, лучшие люди деревни отворачиваются от деревни, а вместе с ней — от своих корней. Таким образом, художественный конфликт обретает социально-философское звучание, близкое почвенничеству: утрата непрерывности между поколениями грозит нации гибелью духовно-нравственных ориентиров.

— Критика урбанизации и технократии. Деревенские писатели, как правило, рисуют город и современную технику в негативном свете, или по крайней мере, относятся к ней с недоверием. Город у них ассоциируется с духовной пустотой, корыстью, искусственностью. Например, герой рассказа В. Шукшина

«Калина красная» (экранизированного в 1974 г.) — вор-рецидивист, который пытается вернуться из города к честной сельской жизни, потому что чувствует: в городе его душа погибает. У В. Распутина переезд крестьян в благоустроенный поселок после затопления Матёры показан как акт насильственного вырывания людей из привычной среды — они там «чужие» и несчастные. Эта оппозиция «деревня — город» во многом перекликается с давним спором славянофилов и западников, в котором почвенники старались занять самостоятельную позицию. Они признавали полезность прогресса, но настаивали, что русский прогресс должен опираться на свои, родные основания [7, с. 134]. Деревенская проза иллюстрирует несоблюдение этого принципа: советская модернизация, проводимая насильственно, изображена как чуждая народному духу. Тем самым литература 1970-х фактически продолжила спор о пути России: индустриальный скачок ценой разрушения народной жизни подвергается сомнению с позиций русской традиционной культуры.

— Память и связь времен. Почвенники XIX в. придавали большое значение исторической памяти, преемственности культуры. Не случайно в их статьях часто звучала мысль о «непрерывности русской истории». В деревенской прозе тема памяти становится стержневой: почти в каждой повести или романе есть образы старых фотографий, кладбищ, домашних реликвий, воспоминаний о предках. Например, у В. Распутина в «Прощании с Матёрой» ключевой момент — когда чиновники требуют перенести прах предков с острова, а Дарья сопротивляется, потому что «нельзя тревожить мертвых — грех». В финале она все же не успевает перенести кладбище — и могилы уходят под воду, что символизирует полное прерывание связи поколений. Подобные сцены — не просто драматические эпизоды, а выражение идеи, что память предков священна, без нее народ теряет свою идентичность. Это полностью соответствует почвеннической идее ценности народной памяти и преемственности. Можно сказать, что деревенская проза бережно несла эту идею, даже если внешне говорила лишь о бытовых вещах.

Деревенская проза на всех этапах — от первых робких опытов конца 1950-х до знаковых повестей 1970–1980-х гг. — последовательно проводила мысль о ценности «народной почвы». Через разные художественные формы и сюжеты эти произведения доносили до советского читателя схожий комплекс идей: любовь к родной земле, уважение к народным традициям и памяти, критика бездуховного прогресса, вера в нравственную силу простого человека. Все это напрямую восходит к взглядам почвенников. Не случайно современные исследователи утверждают, что традиции почвенничества справедливо считаются возрожденными именно в творчестве писателей-«деревенщиков». Советская литература, оставаясь внешне в рамках дозволенного, на самом деле стала той сферой, где во второй половине XX в. произошло новое рождение «забытой идеологии нутряной России».

Сопоставление с другими исследованиями позволяет сделать ряд выводов. Выявленные результаты в целом согласуются с позицией многих исследователей русской литературы, отмечающих преемственность между почвенничеством XIX в. и деревенской прозой советской эпохи. Так, В. Н. Захаров прямо называет Д. С. Лихачева, А. И. Солженицына, В. П. Астафьева, В. Г. Распутина,

В. И. Белова и В. М. Шукшина — то есть ключевых представителей деревенской литературы — продолжателями традиции почвенничества в XX в. [9]. В работах последних лет отмечается, что 1960–1980-е годы стали временем появления «новой формы почвенничества», или неопочвенничества, в котором именно деревенская проза выступила главным носителем соответствующего мировоззрения [3]. Наш анализ конкретных произведений (Распутина, Белова, Астафьева и др.) подтверждает эту точку зрения: фактически, художественным языком эти авторы выражали те же ценности, что и почвенники, хотя и в иной исторической обстановке.

Вместе с тем ряд исследователей указывает и на существенные различия между почвенничеством XIX в. и его советским возрождением. В частности, литературовед И. А. Есаулов предлагает критически переосмыслить идею прямой преемственности. Он обращает внимание, что оригинальное почвенничество базировалось на православии как духовной опоре жизни народа, тогда как советская деревня была лишена открытой религиозной основы. В результате, по его мнению, деревенская проза 1970–1980-х по своему содержанию стала не столько продолжением, сколько воспоминанием по исчезающему народному миру [8].

Действительно, если Ф. М. Достоевский и его сподвижники еще надеялись на возрождение России через обращение к «почве» (к народу и вере), то у Распутина, Астафьева мы видим скорее горькое констатирование утраты этой почвы. Есаулов даже утверждает, что введенный позднее термин «неопочвенничество» в случае деревенщиков «обнаруживает отрыв от базовых основ почвенничества», поскольку нет уже того цельного христианского мира, который был у почвенников идеалом. Наш анализ частично подтверждает эту мысль: многие произведения действительно пронизаны настроением утраты, воспоминаниями по деревне, выходцами из которой и являлись сами писатели. Однако, с другой стороны, сами эти произведения стали своего рода носителями памяти о традиции. Можно сказать, что деревенские писатели стремились восстановить утраченное в духовном плане, хотя бы в литературе. Они не могли спасти реальную деревню от разрушения, но умело создали миф о деревне как хранилище вечных народных ценностей — а это и есть продолжение почвеннического проекта, хоть и в трагическом ключе.

Необходимо отметить и идеологический контекст оценки деревенской прозы. В 1970-е гг. советская критика по-разному относилась к этому направлению. Официальные идеологи марксизма видели в упоре на традицию угрозу. Показателен пример статьи секретаря ЦК А. Н. Яковлева «Против антиисторизма», где деревенщики открыто клеймятся за идеализацию прошлого: Яковлев с издевкой писал, что эти писатели «любуются патриархальным укладом, домостроевскими нравами», а социалистические преобразования изображают как «искусственно привнесенные нововведения» [8]. Он обвинял писателей в пропаганде мифа о «вечной России» и в непонимании того, что у разных классов не может быть единого национального сознания. Партийная критика усматривала в деревенской прозе возрождение консервативной, национально-русской идеи — то есть как раз почвенничества, что для сторонника коммунистических идей было неприемлемо. Наши результаты подтверж-

дают наличие этих идей в текстах, так что негативная реакция официальных кругов закономерна. С другой стороны, внутри СССР находились критики, которые симпатизировали деревенским авторам. Литературовед Лев Аннинский ввел сам термин «деревенская проза» и первым обратил внимание на ее гуманистическую основу. В поздней перестройке этих писателей и вовсе провозгласили «совестью нации». Таким образом, интерпретации варьировались от обвинений в реакционности до признания их морального подвига.

В современной науке творчество авторов деревенской прозы тоже не воспринимается однозначно. К примеру, в монографии А. И. Разуваловой творчество деревенщиков рассматривается в контексте «консервативной идеологии 1970-х», называемой «неопочвенничеством», корни которой автор усматривает даже в некоторых установках позднесталинской эпохи [15]. Исследователям А. И. Разуваловой, И. А. Есаулову кажется важным подчеркнуть именно новизну этого явления, его отличие от классического почвенничества, вплоть до того, чтобы обозначить отрицательную стороны данного явления — подчеркивая не продолжение идей почвенничества, а искажение традиции. Однако с такой неоднозначной оценкой полемируют другие ученые. Так, А. Ю. Большакова отмечает «вульгаризацию» подхода А. И. Разуваловой, когда та без достаточных оснований причисляет деревенских писателей к реакционерам. А. Ю. Большакова справедливо указывает, что суть подлинного консерватизма не в мертвом ретроградстве, а в сохранении культурной идентичности народа, его базовых ценностей при одновременном развитии [4]. В этом плане деревенская проза как раз и не была слепым отрицанием всего нового — она предлагала эволюционный путь, возвращение к истокам без революционных потрясений. Такая стратегия вполне вписывается в русло традиционного почвенничества. Более того, исследователи отмечают, что термин «деревенская проза» сам по себе возник во многом как эвфемизм: напрямую назвать эти книги почвенническими в советское время было невозможно [12]. Но по своей сути они ими и являлись. Наши выводы в этом отношении согласуются с позицией Большаковой, Захарова, Микитюк и др.: писатели-«деревенщики» продолжили почвенническую линию русской литературы, адаптировав ее к реалиям XX в.

Разночтения в оценке степени преемственности объясняются главным образом различием подходов. Если исходить из строгих критериев (наличие явной религиозности, программных заявлений, организационного единства движения), то советских деревенщиков действительно нельзя назвать прямыми наследниками классических почвенников — у них не было своего журнала «Время» или теоретических идей. Они действовали разрозненно и чаще говорили языком художественных образов, а не публицистики. Однако сущностный подход, которым мы руководствовались, показывает существенное единство идей. Деревенская проза — это во многом интуитивное и стихийное возрождение тех идеалов, что провозглашали Ф. М. Достоевский и его коллеги: единство с народом, опора на родную землю, сохранение нравственных устоев, сопротивление разрушению национальной культуры. Если признать, что история не повторяется буквально, но может рифмоваться, то деревенская проза — рифма к почвенничеству. Расхождения же касаются формы вы-

ражения (художественная литература вместо публицистики) и тональности (у почвенников — надежда на возрождение, у деревенщиков — боль утраты и одновременно призыв обратиться к памяти предков и сохранении традиции).

Отдельно стоит отметить вопрос терминологии. Когда Разуvalова вводит понятие «неопочвенничества», она подчеркивает его отличия от предшественника [2]. Однако некоторые ученые (Микитюк, Горбачев и др.) используют этот термин без негативной коннотации для того, чтобы обозначить возрождение идей почвенничества в новых исторических условиях [6]. В данной статье рассматривается именно это явление. Можно согласиться с мнением, что неопочвенничество 1960–1980-х не создало новых философских доктрин, но оно нашло яркое воплощение в искусстве — прежде всего в прозе о деревне. Тот факт, что даже идеологи советской власти признали наличие русского национального уклона в этой литературе, косвенно подтверждает, что связь с дореволюционной почвой была прочувствована и духовно воспринята современниками.

Таким образом, можно сказать, что полученные результаты соответствуют мнению большинства авторитетных исследователей, считающих деревенскую прозу наследницей почвенничества, хотя отдельные аспекты (например, трагизм и утрата идеала, памятование о деревне и природе) отличают ее от первоисточника. Небольшие расхождения во взглядах современных критиков объясняются разными акцентами — на сходстве или, напротив, на различиях, — но не опровергают сам факт преемственности.

В ходе исследования установлено, что советская деревенская проза 1960–1980-х гг. действительно восприняла и творчески развила многие идеи почвенничества. Анализ произведений Ф. Абрамова, В. Шукшина, В. Белова, В. Распутина, В. Астафьева и других показал, что в них ярко присутствуют следующие почвеннические элементы: любовь к родной земле и тоска по утраченной цельности крестьянского мира; убеждение в особой нравственной миссии простого сельского человека (образ праведника); критическое отношение к бездуховному технократическому прогрессу и урбанизации; настойчивое обращение к теме памяти, преемственности поколений, связи времен. Деревенская проза стала тем художественным пространством, где во второй половине XX в. воплотилось «глубинное самосознание нутряной России», — используя выражение А. И. Солженицына, вновь вошло в литературу то самое мироощущение народной почвы, которое казалось утраченным. При этом советские писатели облекли старые идеи в новые формы, создав высокохудожественные тексты, близкие и понятные современному читателю. Если ранее советская и дореволюционная культура зачастую рассматривались отдельно, то обращение к феномену деревенской прозы показало их внутреннюю связь и преемственность. Фактически литература писателей-«деревенщиков» стала мостом между XIX и XX столетиями, между дореволюционным почвенничеством и поисками национальной идентичности в позднесоветскую эпоху. Это говорит о преемственности культурных оснований: несмотря на смену общественно-политического строя, базовые ценностные ориентиры (православие и народ, традиция и община/коллектив) продолжали жить в художественном сознании и нашли выход в произведениях писателей-«деревенщиков».

Деревенская проза, будучи носителем почвеннических идей, сыграла заметную роль в формировании взглядов советского общества на рубеже 1970–1980 х гг. Эти книги возвращали читателям утраченные ориентиры — понятия чести, совести, верности традиции. Они способствовали росту интереса к родной истории, фольклору, к «малой родине». Недаром в годы перестройки многие писатели-деревенщики стали активными общественными деятелями, поднимая вопросы экологии, сохранения памятников, поддержки сельских регионов. Их творчество оказало воспитательное воздействие на целое поколение, напоминая о корнях. В постсоветское время идеи, впервые явно прозвучавшие у деревенщиков (идея духовного возрождения на основе религиозных ценностей и др.), легли в основу традиционно-ценностного поворота в современной культуре России.

Подводя итог, можно сказать, что советская деревенская проза стала достойным преемником идей русского почвенничества. Несмотря на иные исторические условия, она сохранила верность ключевому принципу: меняться, оставаясь собой, то есть искать пути развития народа без утраты его корневой, духовной сущности. Именно эта глубинная связь времен и делает феномен деревенской прозы уникальным и значимым — и для литературы, и для понимания русского национального характера во второй половине XX в.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Алексеева Л. В.* Патриархальный мир русского старообрядчества в изображении П. И. Мельникова-Печерского (на материале романа «В лесах») // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2014. № 1 (138). С. 18–27.
2. *Анисимов К. В., Разуvalова А. И.* Два века две грани сибирского текста: областники vs. «Деревенщики» // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2014. № 1 (27). С. 87–99.
3. *Беляева И. А.* Трагизм национальной истории и пути его преодоления в «Дворянском гнезде» И. С. Тургенева // Проблемы исторической поэтики. 2023. № 3. С. 115–127.
4. *Большакова А. Ю.* Почвенничество и символический реализм В. П. Астафьева и В. Г. Распутина // Проблемы исторической поэтики. 2023. Т. 21. № 3. С. 303–327. DOI: 10.15393/j9.art.2023.12584. EDN: AVWKEY.
5. *Воронина Т. Н.* Город и горожане в повести В. И. Белова «Привычное дело» // Беловский сборник. Вып. 2 / Администрация г. Вологды, Вологодский гос. ун-т, Союз писателей России, Вологодское отделение РГО. Вологда: Легия, 2016. С. 40–47.
6. *Горбачев А. Ю.* Современная русская литература. Писатели-почвенники 60–90-х гг. XX века. 2003.
7. *Евламцев И. И., Громова Е. В.* Славянофильство и западничество как формы русского национального самосознания: анатомия конфликта и его результаты // Вестник РХГА. 2019. № 3. С. 130–141.
8. *Есаулов И. А.* «Почва» у Ф. М. Достоевского и у писателей-«деревенщиков»: проблемное поле // Вопросы культурологии. 2024. № 8. Т. XXI. С. 680–689.
9. *Захаров В. Н.* Почвенничество в русской литературе: метафора как идеологема // Проблемы исторической поэтики. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2012. Вып. 10. С. 14–24.

10. Кабылкова А. А. Герои-праведники «деревенской прозы» // Наука — образованию, производству, экономике: материалы XVIII Регион. науч.-практ. конф. преподавателей, науч. сотрудников и аспирантов, Витебск, 13–14 марта 2013 г. Витебск, 2013. Т. 1. С. 204–207.

11. Кабылкова А. А. Творчество Владимира Крупина в контексте почвеннической прозы // Ученые записки УО «ВГУ им. П. М. Машерова». Витебск, 2020. Т. 31. С. 152–156.

12. Кузина А. Н. Традиции почвенничества в русской литературе второй половины XX века // Вестник ВУиТ. 2011. № 8. С. 224–241.

13. Ларионов Д. Вершина деревенской прозы. Плач по традиционному крестьянскому укладу, гибнущему под натиском цивилизации и прогресса. [Электронный ресурс] URL: <https://polka.academy/articles/625> (дата обращения: 22.03.2025).

14. Микитюк Ю. М. Концепты христианского и национального в культурно-исторической теории почвенничества: дис. ... канд. культурологии. СПб., 2011.

15. Разуvalова А. И. Писатели-«деревенщики» в поисках оппонента: эстетика конфронтации и этика солидарности // Новое литературное обозрение. 2013. № 119. С. 184–199.

REFERENCES

1. Alekseeva, L. V. Patriarhal'nyj mir russkogo staroobryadchestva v izobrazhenii P. I. Mel'nikova-Pecherskogo (na materiale romana "V lesah") [The Patriarchal World of Russian Old Believers in the Depiction of P. I. Melnikov-Pechersky (Based on the Novel "In the Forests")]. In: *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2014, no. 1 (138), pp. 18–27 (in Russian).

2. Anisimov, K. V., Razuvalova, A. I. Dva veka dve grani sibirskogo teksta: oblastniki vs. "Derevenshchiki" [Two Centuries, Two Facets of the Siberian Text: Regionalists vs. Country People]. In: *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya*, 2014, no. 1 (27), pp. 87–99 (in Russian).

3. Belyaeva, I. A. Tragizm nacional'noj istorii i puti ego preodoleniya v "Dvoryanskom gnezde" I. S. Turgeneva [The Tragedy of National History and Ways to Overcome It in Ivan Turgenev's "The Noble Nest"]. In: *Problemy istoricheskoy poetiki*, 2023, no. 3, pp. 115–127 (in Russian).

4. Bol'shakova, A. YU. Pochvennichestvo i simvolicheskij realizm V. P. Astaf'eva i V. G. Rasputina [Pochvennichestvo and Symbolic Realism in the Works of V. P. Astafyev and V. G. Rasputin]. In: *Problemy istoricheskoy poetiki*, 2023, vol. 21, no. 3, pp. 303–327. DOI: 10.15393/j9.art.2023.12584. EDN: AVWKEY (in Russian).

5. Voronina, T. N. Gorod i gorozhane v povesti V. I. Belova "Privy' chnoe delo" [The City and Its Inhabitants in V. I. Belov's Novel "A Common Affair"]. In: *Belovskij sbornik*, vyp. 2 / Administraciya g. Vologdy', Vologodskij gos. un-t, Soyuz pisatelej Rossii, Vologodskoe otdelenie RGO. Vologda: Legiya, 2016, pp. 40–47 (in Russian).

6. Gorbachev, A. YU. *Sovremennaya russkaya literatura. Pisateli-pochvenniki 60–90 h gg. XX veka* [Modern Russian Literature. The Soil Writers of the 1960s–1990s.], 2003 (in Russian).

7. Evlampiev, I. I., Gromova, E. V. Slavjanofil' stvo i zapadnichestvo kak formy' russkogo nacional'nogo samosoznaniya: anatomiya konflikta i ego rezul'taty' [Slavophilism and Westernism as Forms of Russian National Identity: The Anatomy of the Conflict and Its Results]. In: *Vestnik Russkoi khristianskoi gumanitarnoi akademii*, 2019, no. 3, pp. 130–141 (in Russian).

8. Esaulov, I. A. "Pochva" u F. M. Dostoevskogo i u pisatelej-"derevenshchikov": problemnoe pole ["The Soil" in the Works of Fyodor Dostoevsky and the Village Writers: A Problematic Field]. In: *Voprosy kul'turologii*, 2024, no. 8, vol. XXI, pp. 680–689 (in Russian).

9. Zaharov, V. N. Pochvennichestvo v russoj literature: metafora kak ideologema [Pochvennichestvo in Russian Literature: Metaphor as an Ideologem]. In: *Problemy istoričeskoj poetiki*, Petrozavodsk: Izd-vo PetrGU, 2012, iss. 10, pp. 14–24 (in Russian).

10. Kabylkova, A. A. Geroid-pravedniki “derevenskoj prozy” [The Righteous Heroes of “Village Prose”]. In: *Nauka — obrazovaniyu, proizvodstvu, ekonomike: materialy XVIII Region. nauch.-prakt. konf. prepodavatelej, nauch. sotrudnikov i aspirantov*, Vitebsk, 13–14 marta 2013 g. Vitebsk, 2013, vol. 1, pp. 204–207 (in Russian).

11. Kabylkova, A. A. Tvorčestvo Vladimira Krupina v kontekste pochvenničeskoj prozy [Vladimir Krupin’s Creativity in the Context of Soil-Based Prose]. In: *Učenyje zapiski UO “GU im. P. M. Masherova”*, Vitebsk, 2020, vol. 31, pp. 152–156 (in Russian).

12. Kuzina, A. N. Tradicii pochvenničestva v russoj literature vtoroj poloviny XX veka [The Tradition of Pochvennichestvo in Russian Literature of the Second Half of the 20th Century]. In: *Vestnik VUiT*, 2011, no. 8, pp. 224–241 (in Russian).

13. Larionov, D. *Vershina derevenskoj prozy. Plach po tradicionnomu krest’janskomu ukkladu, gibnushchemu pod natiskom civilizacii i progressa* [The pinnacle of village prose. A lament for the traditional peasant way of life, which is dying under the onslaught of civilization and progress]. [Electronic resource] URL: <https://polka.academy/articles/625> (data obrashčeniya: 22.03.2025) (in Russian).

14. Mikityuk, YU. M. *Koncepty hristianskogo i nacional’nogo v kul’turno-istoričeskoj teorii pochvenničestva: dis. ... kand. kul’turologii* [Concepts of the Christian and the National in the Cultural and Historical Theory of Pochvennichestvo: dis. ... cand. culturology]. Saint Petersburg, 2011 (in Russian).

15. Razuvalova, A. I. Pisateli-“derevenschiki” v poiskah opponenta: estetika konfrontacii i etika solidarnosti [Rural Writers in Search of an Opponent: The Aesthetics of Confrontation and the Ethics of Solidarity]. In: *Novoe literaturnoe obozrenie*, 2013, no. 119, pp. 184–199 (in Russian).